

Когда Цин Юань вернулась с позднего собрания, Бай Лао всё ещё методично перетирал в ступке сушёные корни и травы, сонно моргая. За окном уже стояла глубокая ночь и, на самом деле, он давно мог вернуться в покои своей госпожи, не опасаясь наказания — Цин Юань хоть и была довольно строгой наставницей, никогда не требовала от ребёнка чего-то сверх меры. Но причина ли тому простое детское любопытство или странное волнение, заставлявшее сердце то замирать, то гулко колотиться о рёбра, Бай Лао понимал, что уснуть у него всё равно не получится. Что могло случиться? Почему ночная охота закончилась раньше? Масса вопросов жужжала в голове настырным пчелиным роем, и Бай Лао прикусил язык, ощутив странное разочарование на самом его кончике. На вкус оно оказалось кислым как протухшее молоко. Он мог задавать вопросы молча, мог спросить напрямую, реальность от этого не изменится — едва ли простому слуге положено знать что-то важное. Но так или иначе, он был ребёнком, достаточно терпеливым и достаточно непосредственным, чтобы заставить себя сдержаться.

— Что-то случилось? Что-то...страшное?

Слова вырвались быстрее, чем налетевший порыв сквозняка колыхнул пламя почти догоревшей свечи. Бай Лао снова прикусил язык. Стыд на вкус оказался горьким как пережжёное масло.

Цин Юань, казалось, даже не заметила его присутствия. Она вертела в пальцах кривой обломок ивовой ветви, пребывая в глубокой задумчивости. Взволнованный детский голос заставил её странно вздрогнуть и в замешательстве поднять глаза. Бай Лао даже не мог представить свою наставницу, всегда собранную и безупречную, в таком нехарактерном для неё состоянии. Растерянность, однако, владела Цин Юань не больше пары секунд. Она спрятала странный предмет в рукав и посмотрела на Бай Лао привычным взглядом, полным туманной таинственности.

— Ничего, о чём бы тебе следовало переживать. — Сказала она, вынимая украшения из волос, явно собираясь готовиться ко сну. — Даже, в общем, ничего необычного. Его Высочество зол, первый молодой господин ему под стать, а генерал просто устал.

Цин Юань не договаривала, и лисье чутьё Бай Лао улавливало это. Но, будучи недостаточно развитым, оно не могло остановить своего обладателя от следующего совершенно необдуманного вопроса.

— А сянъшен? Он...?

И Бай Лао в третий раз прикусил язык, осознав, насколько неуместно и абсурдно звучит. Уши вспыхнули алым румянцем, а смущение на вкус почему-то оказалось сладким как карамель.

Цин Юань пристально на него посмотрела. И взгляд её был полон густой тьмы, задумчивой, но отчего-то не укоряющей.

— Не возвращайся сегодня в гарем, — вдруг сказала она, — на рассвете пойдёшь со мной.

— Но Чуньшен-ньюши[1]...

— Вполне способна утром сама расчесать волосы, — усмехнулась Цин Юань, не сводя с него странного взгляда, — я за тебя заступлюсь. А теперь гаси свечи и поспи хотя бы пару часов.

Бай Лао более не смел ни спорить, ни задавать вопросов. До рассвета он так и не смог сомкнуть глаз. Волнение на вкус оказалось до тошнотворного пресным.

Рассветное солнце едва золотило острые крыши, поднимаясь тонким диском из-за горизонта, когда они покинули дом. Цин Юань двигалась плавно в своих тёмных одеждах, как последний кусочек отступающей ночи. Каждый шаг её переполняли степенность и таинственная грация.

Бай Лао поёжился от утренней прохлады и, обхватив себя руками, старался не отставать. Он не знал, куда они идут и зачем и потому странная нервозность колючим клубком свернулась в его груди. Позади остались павильоны гарема, затем и дворцовая территория, и Бай Лао на мгновение замер, обернувшись — перед глазами вспыхнули воспоминания горящих домов и мёртвых, обожжённых тел. Странно, он был привезён сюда пленником, но это место так быстро стало ему домом больше, чем та деревня, в которой он родился. Тяжёлая золотая серёжка в левом ухе мелодично звякнула, когда он потряс головой, отгоняя наваждение.

Цин Юань он нагнал, когда та молча ожидала его перед первой храмовой ступенью из белого мрамора. Бай Лао не смог скрыть восхищения — храм оказался величественным. Белые ступени, отражая солнце, сиянием поднимались к небесам; красная остроконечная крыша пламенела так ярко, что смотреть было почти больно.

— Что бы ты ни увидел, — заговорила Цин Юань, строго смотря на него, — молчи.

И, не дожидаясь ответа, она грациозно и быстро преодолела несколько первых ступеней.

Перед входом их ожидали двое адептов — статные мужчины средних лет в багровых одеждах, на рукавах и подолах которых вихрились вышитые золотом языки пламени. От них пахло горячим пустынным песком и терпкой горечью тлеющих углей. После молчаливых церемонных приветствий их пропустили внутрь.

Главный зал оказался просторным, освещённым потрескивающими факелами, а напротив входа, у дальней стены возвышалась статуя мужчины в полном боевом облачении. Бай Лао завороченно огладил его взглядом — работа была настолько искусной, что захватывало дух — каждая складка его развевающихся одежд, каждый волосок в кисточке на шлеме, каждая деталь доспеха выглядели как настоящие. Сложно было даже на миг представить, что всё это высечено из бездушного камня. В руках он сжимал меч, странно простой, без вычурной резьбы на рукояти, а за спиной величественно расправила крылья благородная птица — Феникс, каждое перо которого, казалось вот-вот заколышется от налетевшего порыва ветра.

«Фэн Хуан — покровитель Юга. Очищающее пламя. Освободитель мира от тьмы».

Гласила нефритовая табличка над его головой.

Перед статуей возвышался жертвенный нефритовый алтарь с десятками тлеющих палочек благовоний, вокруг которого ярко горело жаркое пламя.

Цин Юань велела ему встать слева от статуи и молча ожидать. Бай Лао не успел спросить, чего именно. Послышались тяжёлые шаги, глухой звон доспехов и в зал вошёл князь.

Это был всего лишь второй раз, когда Бай Лао видел его так близко, но ужас, сковавший его был таким же, как и в первый. Фэн У, как и подобает правителю, выглядел величественно — широкий разворот плеч, решительная стать походки и жёсткий взгляд. Резной серебряный гуань пылал в тёмной меди его волос, отражая огонь настенных факелов. Боевое облачение обтекало его фигуру как вторая кожа, и в храме он смотрелся чужеродно — весь его вид больше подходил вести войско в жаркую, кровавую битву.

Бай Лао отвёл взгляд, не решаясь так бесстыдно рассматривать, и, наконец, заметил, что пришёл он не один. За ним шагал Фэн Су, едва заметно прихрамывая. Бай Лао запомнил его жестоким и самоуверенным, готовым перерезать ему горло, не моргнув и глазом. И сильно удивился переменам — Фэн Су выглядел измучено, даже затравленно — белый как полотно, кусающий губы и напряжённо сжимающий кулаки. Последним шёл генерал, как и князь, в боевом облачении. Он был напряжён, но в целом, спокоен, как и подобает дисциплинированному военному человеку. Бай Лао не отводил взгляда от входа, ожидая ещё одного человека, и странное волнение охватило его с новой силой, когда тяжёлые деревянные двери закрылись, а Фэн Ся так и не появился.

— Зачем ты привела этого ребёнка?

Душа Бай Лао ушла в пятки, когда он осознал, что князь, остановившись напротив, обратился к Цин Юань. Он спешно потупил взгляд и опустил голову, весь сжавшись. Его привели, ничего не объяснив, он ничего не понимал и, честно, был бы рад, выгони его Фэн У взащей.

— Я обучаю его целительскому искусству, — сказала Цин Юань, почтительно поклонившись, — и посчитала это хорошей возможностью для знакомства с лечением ран от ритуальных наказаний. Если Ваше Высочество не возражает.

Не нужно было смотреть на Фэн У, чтобы понять, насколько хлёсток его взгляд. Бай Лао чувствовал его прожигающий жар макушкой.

Фэн У быстро потерял к ним интерес, когда один из адептов подошёл к нему, рассыпаясь в поклонах.

— У нас всё готово, Ваше Высочество. Второй молодой господин закончил молитвы и ожидает дальнейших указаний.

«Сяньшен...?»

Бай Лао, позабыв о страхе перед князем, заозирался по сторонам. Он по-прежнему ничего не понимал, но несмелый бутон начал раскрываться в груди ядовитым цветком ошеломляющего осознания. Что имела ввиду Цин Юань, говоря о ранах от ритуальных наказаний? Неужели...

— Приведите.

Голос Фэн У разрезал густой благовонный воздух острым лезвием меча, и Бай Лао замер, едва уловив переливчатый звон цепочек на золотых нагрудных пластинах.

Комментарии и примечания:

[1] Нюйши — госпожа. Официальное обращение к женщине высокого статуса.

<http://bllate.org/book/14934/1323639>